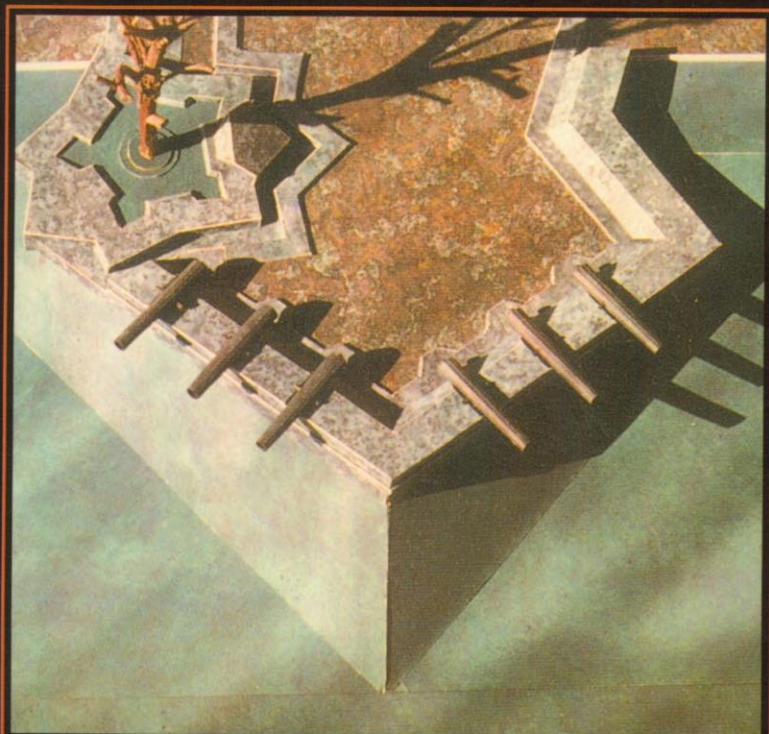




ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 5'2000 (СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) ■



ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5'00
ИЗДАЕТСЯ С 1997 ГОДА



ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 5'00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
В. Е. Романов

Зам. главного редактора
Э. А. Тропп

Ответственный секретарь
А. В. Омельченко

Зав. редакцией
А. О. Кожемякин

**Редактор серии
«Исторические науки»**
А. В. Аранович

Члены редакции
Я. Э. Ахалкина
В. А. Гурский
Р. А. Евдокимов
М. А. Левченко
С. А. Матвеев
В. Р. Мешков
М. К. Ценжарик

СОДЕРЖАНИЕ

научно-методические статьи	
■ Г. Л. Соболев. В поисках новой методологии	2
военно-исторические исследования	
■ А. П. Кулакова. Милет в Лелантской войне	7
■ В. А. Земляничин. Труасский договор как юридическая основа двудеиной англо-французской монархии XV века	13
■ Н. А. Кузнецов. Речная Боевая флотилия в компании 1919 г. на Каме	18
из истории Церкви	
■ Т. В. Михайлова. Представители духовного сословия в колдовских процессах второй половины XVIII века	31
русская книжность и образование	
■ О. В. Давыдова. Об использовании документальных источников в Псковских летописях	41
■ В. В. Хуциева. Краткий очерк истории Санкт-Петербургского коммерческого училища	46
из истории повседневности	
■ Ю. В. Савельева. Патриотические концерты, спектакли и балы-маскарады в пользу инвалидов Отечественной войны 1812 г.	55
■ А. А. Кукушкина. Воинские идеалы в культуре Первой Империи и их отражение в costume	59
персоналии	
■ В. В. Митрофанов. Литературная и научная деятельность Вильгельма II Гогенцоллерна периода изгнания (1918–1941)	67
полевые исследования	
■ Б. Г. Лыч. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры псковских длинных курганов	72
■ П. Е. Сорокин. Археологическое изучение города Ниены	77
информационная часть	
■ Историк во времени: Третьи Зиминские чтения в Российском государственном гуманитарном университете	82
■ Четвертые Петербургские военно-исторические чтения молодых ученых	83
■ Конфессиональные традиции российского общества и индивидуальный религиозный опыт в XIX-XX вв.	84



В. А. Земляничин

студент Российского
государственного
педагогического
университета им. А. И. Герцена

Научный руководитель
к. ист. н. Т. П. Вечерина

Vladimir A. Zemlyanitsyn

ТРУАСКИЙ ДОГОВОР КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДВУЕДИНОЙ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ XV ВЕКА

Copyright © 2000, В. А. Земляничин

Статья посвящена договору между Англией и Францией, заключенному в городе Труа в 1420 г. Рассматривая статьи договора, автор выявляет принципы, на которых планировалось создать объединенное Англо-Французское королевство ■

The treaty of Troyes serves the juridical basis for «dual English–French monarchy» of the XV c.

The paper is devoted to a treaty between England and France signed at Troyes in 1420. The author considering in detail articles of the treaty establishes the principles for which the English–French kingdom had been projected to create ■

Труаским договором называют мирный договор между Англией и Францией, подписанный 21 мая 1420 г. в городе Труа, который, как предполагалось, должен был завершить войну, позже названную Столетней, однако стал лишь очередной вехой в противостоянии двух европейских держав.

В западноевропейской историографии широко распространено мнение о том, что этот договор привел к образованию сложного в статусно-правовом отношении государственного образования, обычно называемого «двуетной монархией». Этим термином пользовались крупнейшие исследователи Столетней войны, такие как К. Фаулер, Д. Сьюард, Дж. Палмер. Однако в советской и российской историографии понятие «двуетная» или «двойственная» монархия относительно политического объединения Англии и Франции в 1420 году практически не использовалось. Единственным советским исследователем, который применил этот термин в данной связи, был В. И. Райцес. Причем понятие «двуетная монархия» появляется у него лишь в монографии «Жанна Д'Арк» 1982 г., тогда как в монографии «Процесс Жанны Д'Арк» 1964 г. он данный термин еще не применял.

Такая колоссальная разница между отечественной и зарубежной историографией в плане использования данного термина, вероятно, связана с тем обстоятельством, что в зарубежной политологии, в отличие от российской, это понятие разработано и

определено. Однако поскольку нас интересуют исторические, а не политологические аспекты «двуетной монархии», мы будем пользоваться термином «двуетная монархия» в понимании В. И. Райцеса и зарубежных исследователей, тем более, что в этом вопросе существенных расхождений между ними нет. Итак, «двуетная монархия» — это личная уния двух королевств, при которой оба сохраняют свои традиционные институты¹. А Бёне сравнивал двуетную Англо-Французскую монархию с Англо-Шотландской унией 1603–1707 гг.²

Выявление специфических черт Англо-Французской монархии может быть произведено на основе Труаского договора как основополагающего документа этого политического объединения. Но прежде чем непосредственно обратиться к тексту договора, необходимо хотя бы несколько слов сказать о историографии вопроса.

Историография Столетней войны огромна. Достаточно много научной исторической литературы посвящено третьему этапу Столетней войны (1415–1422). Однако литература по проблемам «двуетной монархии» и договору в Труа как исходной точке в ее формировании крайне незначительна.

В отечественной историографии нет специальных работ, посвященных англо-французским взаимоотношениям в 1420–1422 гг., Труаский договор никогда не был объектом специального изучения: он

рассматривался либо при изучении каких-то частных проблем, напрямую не затрагивающих вопросов двуединой монархии, либо в работах обобщающего характера³.

Говоря о западноевропейской историографии, необходимо отметить, что проблемы Столетней войны рассмотрены в ней более детально: специальные исследования посвящены военной, политической, экономической, социальной и другим сторонам этого конфликта. Однако и в зарубежной историографии специальных исследований, в центре внимания которых лежал бы Труаский договор или «двуединая монархия» вообще, нам обнаружить не удалось. При этом данные проблемы рассматриваются попутно во многих трудах при исследовании каких-либо смежных проблем⁴.

С другой стороны, об актуальности изучения проблемы говорит повышенный интерес современных историков к международному и военно-политическому аспектам Столетней войны, их стремление взглянуть на эти проблемы по-новому, учитывая проблематику смежных с историей дисциплин, в частности, политологии, для которой построение абстрактных политических систем имеет самостоятельное значение. О необходимости исследования данных вопросов писал в своих работах известный французский историк Ф. Контамин⁵.

М. Блок в «Апологии истории» подчеркивал, что одна из важнейших задач исторической науки — понимать настоящее с помощью прошлого. Поэтому сейчас, на рубеже XXI в., в эпоху, когда международная интеграция достигла небывалых масштабов, и всерьез говорят о необходимости объединения Европы не только в экономическом и культурном, но также в правовом и политическом планах, обращение к попыткам межгосударственной интеграции в Средние века, эпоху складывания современных государственных образований, имеет особую актуальность.

Обращаясь к тексту Труаского договора, необходимо отметить, что его анализ позволяет выявить некоторые принципы, на которых базировалась «двуединая монархия», определить основания ее создания и сделать ряд замечаний о ее жизнеспособности.

Труаский договор, заключенный 21 мая 1420 г., был написан на латинском языке. При этом нужно учитывать, что латынь XV в. была настолько тяжеловесной и запутанной, что порождала, как отмечал О. Л. Вайнштейн, «массу неясностей, спорных и темных формулировок, что открывало возможность произвольного истолкования договоров»⁶. И все же, на наш взгляд, при рассмотрении Труаского договора как основного источника нужно использовать оригинальный латинский текст, изданный Т. Раймером, а не французский перевод, опубликованный Э. Косне, так как, изучая латинский текст, можно сделать ряд важных замечаний, ускользнувших при переводе на

французский, например о единицах измерения, обращениях или формулах документа.

Англо-французский договор, подписанный 21 мая 1420 г. в Труа, состоит из 31 статьи, преамбулы, текста клятвы и заключения. Логически он делится на две части: до и после теста клятвы. В первой части содержатся статьи, которые с позиций того времени вероятно считались наиболее важными: это общие положения, определяющие статус королевства и частные положения, затрагивающие интересы монарших особ. Клятва является своеобразным итогом, в котором обобщаются идеи первых 13 статей. Об особой важности этих статей говорит уже то, что именно в их исполнении приносят клятву участники переговорного процесса и знать обоих королевств. Вероятно, в силу своей важности эти статьи отличаются жестким следованием традиционным дипломатическим формулам; язык этих статей слишком тяжеловесен, авторы явно старались в первую очередь соблюсти форму, в то время как содержание завуалировано запутанностью формулировок. Дальнейшие 18 статей посвящены частным проблемам, они решают вопросы о статусе отдельных территорий, о положении определенных лиц или каких-либо политических сил в рамках будущего объединенного королевства. Язык этих статей гораздо проще; они решают более реальные, более приближенные к жизни проблемы. Несмотря на то, что эти статьи составители договора считали менее значимыми (это видно и по языку, и по положению в тексте договора), для исследователя они могут стать даже более ценным источником информации по «двуединой монархии», чем первые 13 статей, так как от решения конкретных вопросов форма существования и жизнеспособность «двуединой» монархии зависели больше, чем от общих слов о принципах ее создания.

Сам договор по форме представляет собой указ французского короля. Это весьма характерно: постановление, делавшее Францию частью Англо-Французской королевства, могло иметь законную силу в глазах французов только в том случае, если оно исходило от легитимной власти, то есть существующего государя.

Уже в преамбуле говорится о том, в чем состоит основной смысл договора: это мир между Англией и Францией. Ради него договор и заключается. При этом составители договора от имени французского короля заявляют, что заранее предвидят отрицательное отношение к договору и даже соглашаются, что целый ряд положений договора есть зло, но зло, необходимое для достижения общего блага. Таким образом, уже из преамбулы видно, что данный договор — это, по сути, указ французского короля, предписывающий своим подданным подчиниться Англии, как того требует благо королевства.

Первая статья договора очень точно отражает средневековую форму межгосударственного союза:

это союз, в первую очередь, династический. Монарх — сакральный символ самого государства, поэтому брак монарших особ символизирует единство государств. Как отмечал знаменитый немецкий историк Э. Канторович, «то, что король делает в силу того, что обладает политическим телом, не может быть признано недействительным»⁷. При этом нельзя забывать, что естественное тело короля составляло с его политическим телом «невидимое единство: каждое из них полностью содержится в другом»⁸.

Согласно первому пункту договора, дочь Карла VI Катарина должна была стать женой Генриха V. В свою очередь Генрих обязывался почитать Карла VI и Изабеллу Баварскую как отца и мать согласно их высокому положению. Это очень примечательно, тем более, что во всех статьях договора Генрих назван «дражайшим сыном» Карла VI. Таким образом, между французской династией и Генрихом V устанавливались не просто родственные отношения, но он как бы становился членом этой династии, и, следовательно, ему передавались все сакральные свойства, присущие французским королям. Нельзя забывать, что в эпоху Карла V (1364—1380), отца Карла VI, «мистическое восприятие королевской власти достигло своего апогея, когда была сформулирована теория о том, что государство представляет собой «*corpus mysticum*» во главе с королем»⁹. Такая трактовка королевской власти обеспечила «французскому королю ореол и престиж, не сравнимый с властью других европейских монархов»¹⁰. Таким образом, посредством включения Генриха V в королевскую династию Франции он становился в глазах французов полностью легитимным государем.

В пунктах 2-5 оговариваются статус и материальное содержание Карла VI, Изабеллы Баварской и Катарини Французской. В пункте 2 особо оговаривается, что Карл VI и Изабелла Баварская сохраняли за собой «корону и достоинство» короля и королевы Франции, а так же «доход и урожай для поддержки нашего статуса и тяжести королевской власти . . . соответственно обычаям королевства . . .»¹¹. Этот доход не мог быть меньше того, который король и королева получали до заключения договора.

Что касается Катарини Французской, то, согласно пункту 5, ей предоставлялось приданое, которое составляли бывшие земли покойной королевы Бланки Наваррской, супруги Филиппа VI, первого короля из династии Валуа. В случае смерти Катарини раньше кончины Генриха V эти земли переходили в личное владение английского короля. С другой стороны, согласно пунктам 3 и 4, Катарина должна была получить в Англии землю с ежегодным доходом в 40 000 золотых крон, что было по тем временам очень солидной суммой.

Таким образом, первые статьи договора наглядно демонстрируют нам, что Карл VI, а вернее, ведшая за него переговоры Изабелла Баварская, гораздо больше заботились о собственном благополучии и бла-

гополучии своих родственников, чем о статусе своего королевства. Такой подход к мирному урегулированию является ярчайшим доказательством того, что королева была согласна пойти на любые уступки англичанам при условии, что ее личная жизнь не претерпит каких-либо изменений в худшую сторону. Мы отмечали выше, что с подобными целями Изабелла шла на переговоры, и их выполнение стало залогом реализации идей Генриха V.

В пункте 6 констатируется факт, подразумевавшийся еще в первых статьях договора: после смерти Карла VI «корона и королевство Франция . . . останутся и будут у сына нашего короля Генриха и наследника нашего в будущем»¹². Этот пункт можно назвать основным, потому что он формально закрепил последующий переход власти Генриху и, следовательно, определил, что Франция должна будет подчиниться английскому королю. Однако еще предстояло решить массу конкретных вопросов, связанных с объединением Англии и Франции под властью одного монарха. Этим проблемам посвящены последующие статьи договора.

Так пункт 7 договора предусматривает, что «если жестокий недуг будет препятствовать» Карлу VI «должным образом . . . принимать решения или окажется лишены возможности исполнять обязанности в королевстве, в этом случае в течении всей нашей жизни право и исполнение обязанностей по правлению и управлению государством вышеупомянутого королевства Франции . . . будут принадлежать и останутся во веки у вышеупомянутого Сына нашего короля Генриха . . .»¹³. Если принять во внимание, что «жестокий недуг» шизофрении постоянно мешал французскому королю выполнять свои обязанности, то становится очевидным, что данный пункт фактически означал передачу власти Генриху на правах регента с момента подписания договора. Пункт 22 прямо предписывает английскому королю до конца жизни Карла VI именоваться и подписываться регентом Франции. Чтобы не произошло путаницы в терминах, в договоре новый титул Генриха V прописан на французском (*heritier*) и на латинском (*haeres*) языках. Вместе с тем, статья 21 запрещала Генриху до смерти Карла VI именоваться французским королем.

Пункт 9 предусматривает сохранение прав, свобод, обычаев, привилегий и обязанностей как всего Французского королевства, так и отдельных его территорий, которые не только на тот момент, но и в будущем будут юридически подчиняться Франции, а пункт 8 особо оговаривает неприкосновенность прав парижского парламента как высшей судебной инстанции. А статья 10 гласит, что Генрих должен стать сюзереном и, следовательно, защитником для французов, но в тоже время должен следить, чтобы справедливость во Франции исполнялась строго «по законам, обычаям и праву этого королевства»¹⁴ и (согласно пункту 11) в согласии с парламентами, бальи и сенешалями. Таким образом, на основании данных

статей (8–11) становится очевидным, что договор вообще не предусматривал слияния Англии и Франции в одно королевство: в обоих государствах предусматривалось сохранение своего законодательства и традиционных институтов власти.

Очень примечательна 12 статья, согласно которой Генриху V не просто разрешалось, но ставилось в обязанность привести в повиновение французскому королю, а, следовательно, по сути, самому себе как регенту при этом короле, «все города, села, укрепления и местечки», которые являются мятежными и находятся в обладании тех, кого «повсеместно именуют дофинистами или арманьяками»¹⁵. Подобная постановка вопроса в свете вышеуказанных статей становится вполне понятной: «наследник и регент Франции», представляющий права французского короля, — единственная законная власть в государстве. А поэтому он просто обязан всех, кто этой законной власти не подчиняется, привести в свое повиновение.

Статья 13 обязывает знать, дворянство, духовенство, знатных горожан и жителей селений принести Генриху V как регенту и наследнику французского престола клятву верности. Далее в договоре следует текст самой клятвы, которая предусматривает, что принесшие ее не только будут свято и нерушимо исполнять перечисленные выше условия мира, изложенные в первых 12 пунктах, но и будут «честно следить за соблюдением со стороны других людей всего того, что между нами, вышеупомянутой супругой нашей и сыном нашим королем Генрихом . . . решено сейчас или будет решено впоследствии»¹⁶. Кроме того, давшие клятву обязались не посягать на жизнь и здоровье регента, а узнав о подобных попытках, должны были «этому препятствовать, прилагая все усилия, и известить его [Генриха], сколь возможно быстро, либо лично, либо через гонца»¹⁷.

Из других статей следует отметить статью 14, по которой герцогство Нормандия переходило до смерти Карла VI в прямое владение Англии, в то время как другие земли, которые захватил или захватит Генрих V, должны будут считаться частью французской территории. Таким образом, Генрих V в этом случае отступал от идеи владения единой Францией на правах наследования, что предусматривалось всеми предыдущими статьями договора. Вероятно, Генрих пошел на такой шаг, так как не хотел пускать французскую администрацию, пусть даже и подчиненную ему, на территорию Нормандии, которая к 1420 г. была практически полностью захвачена англичанами, перешла под управление английской администрации, и на территории которой Генрих активно раздавал феодалы англичанам. Как мы отмечали выше, подобная практика раздачи земли во Франции была для английского короля очень выгодна, так как позволяла привлекать на профессиональную службу довольно значительные людские контингенты. Однако подобный статус Нормандии был временным. Статья 18 предусматривала возвращение Нормандии

в состав Франции после смерти Карла VI, когда Генрих V, как тогда считалось, соединит на своей голове английскую и французскую короны. Но и во время прямого управления Англией на территории Нормандии сохраняли свою силу французские законы. Нормандия оставалась областью юрисдикции французского права, о чем прямо сообщает статья 17.

Пункт 15 был призван отстоять интересы третьей стороны, герцога Бургундского Филиппа Доброго. Позиция герцога Филиппа в отношении Англии во многом определила подписание Труаского договора. Поэтому вряд ли будет преувеличением сказать, что без его посредничества заключение договора было бы практически невозможным. Филипп Добрый и его вассалы сохраняли свои феодалы во всех частях Франции, в том числе и в Нормандии. А статья 27 прямо предписывала Генриху V править в союзе с герцогом Бургундским: «король Генрих в союзе . . . с Филиппом, герцогом Бургундским, и союзе со знатью королевства . . . определяют статус нашего правления, который есть честь Бога, и Нас, и королевства Франции»¹⁸. Подобная формулировка даже позволила К. Фаулеру говорить, что «двуединая монархия» должна была стать англо-бургундским кондоминиумом¹⁹. Однако факт создания англо-бургундского альянса, воплощение которого в реальности бессмысленно отрицать, по другим статьям договора не прослеживается. Таким образом, по букве закона, Труаский договор установил не англо-бургундское совладение Францией, а скорее обязанность суверенного государя Генриха V, наделенного всей полнотой власти, держать совет со знатью французского королевства и, в первую очередь, с герцогом Бургундским.

Наконец, статья 29 гласила, что король очень опасается беззаконий, которые во Французском королевстве может совершить дофин Карл. Очень характерно, что нигде в договоре король не называет его своим сыном. Вероятно, это объясняется тем, что дофин Карл, лишенный прав на престол, как бы исключался из французской королевской династии и терял все качества, присущие будущему королю. Более того, король обещал от своего имени и от имени Генриха и герцога Бургундского не заключать с Карлом никакого мира или договора. Как уже отмечалось выше, этот факт можно объяснить тем, что с точки зрения данного договора дофин Карл был мятежником, борьба с которым — святая обязанность правителя королевства и его вассалов. Здесь важно заметить, что подобный статус дофина и его окружения вели к бескомпромиссной борьбе с их стороны. Ведь, как отмечал А. Я. Гуревич, «быть поставленным вне закона означало не только лишение всех прав, которыми пользовался человек, пока он находился «в законе», это было равносильно исключению из числа людей вообще»²⁰.

Таким образом, Труаский договор выстраивал до-вольно стройную систему государственного устройства будущего королевства. Фактически это была личная уния двух монархий под властью династии Ланкастеров. Оба государства должны были сохранить свое внутреннее устройство, традиционные институты власти и законодательство. Оформление личной унии, как уже отмечалось, было безупречно с точки зрения средневековых представлений о власти: не только заключался династический союз Генриха V с Екатериной Валуа, потомки которого должны были стать владыками двух королевств, но английский король фактически был усыновлен французским, что давало ему основания считаться законным правопреемником последнего французского монарха. В эпоху, когда «... статус воспринимался как нечто конкретное и непосредственно связанное с индивидом ...», подобное оформление передачи власти имело огромное значение.

Однако есть в договоре и неопределенности. В первую очередь, к таким неопределенностям можно отнести статус Нормандии. Абсолютно очевидно, что после смерти Карла VI она должна была вернуться в состав Франции. Но на каких условиях? Останутся ли на ее территории английские феодалы? Будет ли сохранен режим английской оккупации и, если да, то на какой период? Ответов на эти, как и на многие другие вопросы, конкретизирующие статус Нормандии, договор не дает.

Не совсем ясен и статус Бургундии. Если учитывать, что Генрих V становился законным наследником Карла VI, а, следовательно, в будущем должен был стать французским королем, то Бургундия, как и все другие вассалы французской короны, должна была находиться от Генриха в ленной зависимости. Но, с другой стороны, земли герцога Бургундского, даже находившиеся на территории Нормандии, сохранялись в его владении. На каких условиях они ему принадлежали? Это были земли короля Франции, данные в феодалы бургундскому герцогу, или это были земли, непосредственно входившие в состав Бургундии? Должен ли был герцог Филипп приносить за них омаж королю Генриху? Это тоже не совсем ясно. Еще более непонятно другое: почему Бургундия, активный инициатор договора в Труа, сторона, без участия которой договор был бы невозможен, не выторговала себе на переговорах каких-либо существенных привилегий, зафиксированных в мирном договоре? Почему в рамках «двуединой монархии» она не получила особого статуса?

Более понятно другое: то, что арманьяки, на тот

момент реальная политическая сила, контролировавшая всю Южную и часть Центральной Франции, не были включены в переговорный процесс и в рамках «двуединой монархии» вместе с дофином получили статус мятежников, привело к тому, что они не приняли условий Труаского договора и не признали законной государственную систему, которую предполагалось создать в соответствии с этими условиями. На наш взгляд, это обстоятельство во многом определило тот факт, что сама система «двуединой монархии» так и не была реализована.

Примечания

- ¹ Райцес В. И. Жанна Д'Арк. М., 1982. С. 10–11.
- ² См. Burne A. H. The Agincourt War. New Jersey, 1956. С. 143.
- ³ См. Басовская Н. И. Столетняя война 1337–1453. М., 1985. Райцес В. И. Жанна Д'Арк. М., 1982; Люблинская А. Д. Столетняя война и народные восстания во Франции XIV–XV вв. // История Франции. В 3 т. Под ред. А. З. Манфреда. Т. 1. М., 1972.
- ⁴ См. Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois. N.-Y., 1967; Palmer J. The War Aims of Protagonists and the Negotiations for Peace // The Hundred Years War / ed. by K. Fowler. L., 1971; Burne A. H. The Agincourt War. New Jersey, 1956; Seward D. The Hundred Years War. L., 1978; Сьюард Д. Генрих V. Смоленск, 1996.
- ⁵ См. Басовская Н. И. Проблемы Столетней войны в современной английской и французской историографии // Средние века. № 45. М., 1982. С. 212–224.
- ⁶ Вайнштейн О. Л. Дипломатическая подготовка Столетней войны // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 394.
- ⁷ Кантарович Э. Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья / Реф. С. И. Лучицкой // История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 143.
- ⁸ Там же. С. 143.
- ⁹ Символика королевской власти в средневековой Франции / Реф. Мошонкиной Е. Н. // История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 155.
- ¹⁰ Там же. С. 155.
- ¹¹ Foedera, conventiones, litterae inter reges Angliae et alios princ / ed. by T. Rymer. vol. IV. L., 1740. P. 171.
- ¹² Ibid., P. 171.
- ¹³ Ibid., P. 171.
- ¹⁴ Ibid., P. 172.
- ¹⁵ Ibid., P. 172.
- ¹⁶ Ibid., P. 172.
- ¹⁷ Ibid., P. 172.
- ¹⁸ Ibid., P. 174.
- ¹⁹ Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois. N.-Y., 1967. P. 80.
- ²⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 172.
- ²¹ Там же. С. 172.